Архимандрит Макарий

Автор: Игумен Никон
05.09.2009 00:00

Архимандрит Макарий Пешношский

В истории православного русского монашества конца прошедшего и начала нынешнего столетия имя Макария, архимандрита Пешношского монастыря должно занять одно из почетных мест.

Известно, каким стеснениям подвергалось наше монашество в прошедшем столетии — в царствование Петра I-го и, особенно, в правление Бирона. После учреждения штатов в 1764 г., многие прежде богатые монастыри лишены средств к своему существованию, а многие и совершенно закрыты. Иночество видимо склонялось к упадку.

Но Господь воздвиг таких деятелей, которые не только послужили восстановлению обителей по внешней стороне, но и возбудили, поддержали и укрепили упадавшую среди монашества духовную жизнь.

Таковы были старцы: Паисий Величковский, Макарий Пешношский, Феофан Новоезерский, Назарий Валаамский, Клеопа Введенский, Игнатий Симоновский и друг. Деятельность Макария была очень обширна: им восстановлено восемь монастырей; из его учеников 24 человека были настоятелями разных обителей. Жизнь его была строго-подвижническая, глубоко-назидательная. Поэтому и память его должна быть священною не для одних обителей, но и для всех, чтущих труды подвижнической жизни. Предлагаем здесь вниманию читателей его жизнеописание.

О. Макарий родился в 1750 году, Московской губ. в городе Рузе, от благочестивых родителей Космы и Евдокии (Брюшковых) и во св. крещении наречен был Матфеем. Родители его принадлежали к купеческому сословию, но, как видно, не обладали большим богатством, потому что Матфей еще мальчиком отдан был ими для приучения к торговле в Москву. Здесь юноша много мог найти удовольствий и развлечений, но пребывание в столице только дало ему лучше понять суету мира. В то время как товарищи его мечтали об увеселениях и о накоплении земных сокровищ, он помышлял о жизни монашеской. Неизвестно, сколько именно лет провел он в Москве, но на 18-м году своей жизни уже решился оставить мир и посвятить себя на служение Богу и ближним в иноческой жизни.

В то время славился строгостью жизни строитель Санаксарской пустыни (близ г. Темникова) иеромонах Феодор, из рода дворян Ушаковых. К нему-то в 1767 г. и отправился юноша Матфей. Здесь же в то время находился в сане иеродиакона о. Игнатий, после настоятель пешношский. Обитель Санаксарская была одна из беднейших: монастырь обнесен был, вместо ограды, деревянным забором, в нем была одна церковь, и та — деревянная с волоковыми окнами, со стенами, необтесанными даже и внутри, по недостатку свеч служба отправлялась с лучиной. Содержание братии было также самое убогое: ходили в лаптях и балахонах; никто не мог иметь какой-либо собственности; церковные службы отличались продолжительностью; за жизнью и духом братии о. Феодор следил весьма бдительно. Это был руководитель опытный в духовной жизни. Здесь-то и под руководством такого высокого наставника полагал начало иноческой жизни юный послушник.

Сюда же, в 1771 г., прибыл на жительство на 19-м году от рождения Феодор, впоследствии знаменитый Феофан, архимандрит Кирилло-Новоезерского монастыря. По недостатку особой келлии последний помещен был вместе с Матфеем. С того времени завязалась между ними искренняя, святая дружба, не прекращавшаяся до самой смерти. Друзья вместе молились, вместе и трудились на монастырских послушаниях. Любовь к Богу и взаимная дружба все труды делали для них легкими. «Но нельзя, чтобы и плевел не было между пшеницей,— рассказывает в своих записках об этом времени о. Феофан: — и нас старцы бранивали за противоречие, непонятие. Я жил в одной келлии с Макарием; ему больше всех искушений было: о. Феодор даст ему балахон худо шитый, с длинною спиной или с заплатами, тот смущается, придет к о. Феодору, показывает, как на нем балахон сидит, какая спина несоразмерная. О. Феодор начнет увещевать: зачем пришел в монастырь? да есть ли разум!.. чем занимаетесь?.. тряпками!.. Надобно заниматься тем, чтобы душу-то свою очистить, чтобы ни к чему временному не пристраститься». Наставления старца были всегда принимаемы с любовью.

Но не долго довелось им жить в Санаксарской обители. В 1774 г. строителя о. Феодора неожиданно постигло тяжкое испытание. Воевода г. Темникова Нилов, его сын духовный, не стерпел обличений духовного отца за свои противозаконные действия, ожесточился и оклеветал его пред воронежским губернатором в том, что как-будто бы о. Феодор в канцелярии, при зерцале, называл его грабителем. Губернатор донес Императрице; произведено следствие, и после исследования, совершенно пристрастного, последовало монаршее повеление: «Феодора, как человека беспокойного, отправить в Соловецкий монастырь». О. Феодор, довольствуясь сознанием своей невинности, не стал оправдываться, покорился воли Божией и монаршей и отправился к месту своего назначения. Прощаясь с братиею, он сказал «Кто желает жить в сей обители, пусть остается в ней: кто же не желает пусть выходит с благословением, кто куда хочет». Ученики провожали его со слезами. Через неделю по отъезде о. Феодора, под Темниковым явился Пугачев с своею командою: город был

разграблен и разорен, монашествующие Санаксара разбежались в леса, но послушники Матфей и Феодор оставались в монастыре с упованием на Промысел Божий и Господь сохранил их: бунтовщики не коснулись обители.

После сих несчастных обстоятельств многие из братии оставили Санаксарскую пустынь и удалились в иные обители. Послушник Матфей с другом своим Феодором, для большего преуспеяния в духовной жизни, перешли в Введенскую Островскую пустынь (состоящую в Владимирской епархии в 3 верстах от г. Покрова и в 90 от Москвы), к знаменитому старцу о. Клеопе. Вслед за ними оставил Санаксар и о. Игнатий. Он, в 1776 г., перешел в Флорищеву пустынь, где был сделан казначеем.

Под руководством нового наставника юные друзья прожили вместе более двух лет. Господу угодно было поставить их светильниками не на одном свещнике, но на разных. — Два монаха из Молдавии своею беседою возбудили в Феодоре желание поклониться св. местам палестинским. Получив благословение о. Клеопы, он отправился, но в Валахии, в монастыре Тисмане, был удержан архимандритом Феодосием, — и здесь, по его совету, на 25-м году от рождения пострижен в монашество с именем Феофана. В то же время и Матфей, получив увольнение от своего городского общества, был утвержден в числе братства Введенской пустыни. — Окруженный прекрасными примерами, воодушевляемый наставлениями о. Клеопы, Матфей ревностно подвизался на избранном пути. Он никому не уступал в точном сохранении устава, был первым во всех трудах монастырских, в бдениях и молитве. Под руководством Клеопы Матфей прожил не более трех лет; место Клеопы заступил о. Игнатий, сподвижник Матфея в Санаксарской пустыни. — О. Игнатий из Флорищевой пустыни приезжал иногда во Введенскую к старцу Клеопе.

Однажды, в проезд свой в С.-Петербург, Игнатий посетил Клеопу. Старец, как бы по внушению свыше, сказал Игнатию: «Ты здесь после меня будешь настоятелем», и надел на него крест. «Да это, батюшка, архимандричий крест», отвечал Игнатий. «Да, будешь», подтвердил Клеопа. И все сбылось в короткое время. На возвратном пути из С.-Петербурга Игнатий заехал опять во Введенскую пустынь, но уже не застал в живых о. Клеопу. Осиротившая братия просила его к себе в строителя, он согласился и в 1778 году был утвержден в новой должности. — Послушник Матфей, давно известный Игнатию по своей строгой жизни, в 1779-м году, мая 2 дня, был пострижен им в монашество с именем Макария (препод. Макария египетского, память которого совершается Церковью 19-го января). В следующем 1780 г., 26 декабря, он посвящен был в иеродиакона, а в 1781 г., 27 марта, — в иеромонаха. Быстрое возвышение по степеням священства служит доказательством той любви и уважения, которыми он пользовался от начальства.

Около сего времени преосвященный Феофилакт, епископ переяславский, обратил особенное внимание на Пешношскую обитель, состоявшую в то время в его епархии. Основанная в 1361 г. преподобным Мефодием, учеником преподобного Сергия Радонежского, обитель Пешношская до времен Петра I была постоянно в цветущем состоянии. При Петре была приписана к Троицкому Сергиеву монастырю; с того времени начала постепенно упадать; наконец, в 1764 году совершенно упразднена и обращена в приходскую церковь. По просьбе преосвященного Сильвестра, епископа Переяславского, в 1766 году была восстановлена, но оставалась в самом жалком положении. Преосвященный Феофилакт, «для лучшего поправления, ея и для заведения в ней доброго порядка и благочиния», в строителя ее перевел из Введенской пустыни о. Игнатия, а в казначеи — о. Макария. 28 августа 1781 г., они приняли обитель в свое ведение. Вместе с ними прибили из Введенской пустыни около 12 человек иноков с лучшими дарованиями и поведением, с которыми строитель Игнатий начал вводить чиноположение св. горы Афонской, принесенное некогда оттуда старцем Клеопою. Макарий во всем был ему деятельным помощником.

Рассказывают (старцы Григорий и Амфилохий), что Макарий, прибыв на Пешношу и увидев во всем недостаток, — одни только стены, и то ветхие, — начал жалеть о Введенской пустыни благоустроенной, пришел в уныние и думал перейти в какой-либо иной монастырь; но явились ему во сне преподобные Сергий Радонежский и Мефодий Пешношский и сказали: «Не отходи отсюда; и здесь будет во всем изобилие». Макарий после сего видения как бы переродился, в душе своей почувствовал неизъяснимое утешение, покорился воле Божией и начал трудиться так, как никогда еще не трудился; он решился жить только на Пешноше и только для Пешноши. Вскоре после сего Господу угодно было поставить его самого настоятелем сей обители. Это случилось так.

Преосвященный Гавриил, митрополит Новгородский и С.-Петербургский, вознамерился учредить в Тихвинском монастыре общежитие, а для сего требовался опытный начальник; келейником у преосвященного в то время был о. Феофан, постриженик Тисмана монастыря, друг Макария. Феофану хорошо был известен строитель пешношский Игнатий и по Санаксарской и по Флорищевой пустыням: на него, как на способнейшего, он указал преосвященному Гавриилу. Преосвященный, и прежде слыхавший о строгой жизни Игнатия, в 1788 г. перевел его в Тихвинский монастырь в архимандриты. Вместе с ним выбыло из Пешноши и большое число братии, так что осталось в ней только два иеромонаха, один иеродиакон да несколько монахов и послушников. Казначей Макарий в это время, неизвестно по каким обстоятельствам, находился в Лукьяновой пустыни. Тогда же была уничтожена Переяславская епархия; монастырь Пешношский причислен к Московской епархии; оставшаяся братия просила преосвященного митрополита Платона назначит им в строители о. Макария. Преосвященный согласился, и 3-го апреля 1788 года Макарий вступил в управление обителью.

При Макарии Пешношская обитель не только восстала из развалин, но возвеличилась и прославилась. Ему особенно обязана она своим устройством внешним и внутренним. Неутомимый и многосведущий в трудах хозяйственных, он еще более неутомим был в подвигах внутренней жизни. Слава его строго-подвижнической жизни разнеслась по всей России; отовсюду стали приходить к нему ревнителя пустынножительства; число богомольцев в обители с каждым годом умножалось, а вместе с ними явились и средства для ее возобновления. Прежде всего он постарался возвратить взятые в Переяславль, при упразднении монастыря (в 1764 году), некоторые церковные вещи и книги; потом приступил к исправлению полуразрушенных монастырских зданий. Главным помощником его в этом деле был находившийся в числе братства московский купец Алексий Григорьевич Мокеев.

При содействии его и других благотворителей в короткое время храмы монастыря были возобновлены; для мощей преподобного Мефодия, основателя его, устроена новая бронзовая с позолотою рака; келлии некоторые исправлены, а некоторые устроены вновь; перестроены: трапеза, поварня, хлебня, квасоварня и другие службы монастырские; для странников и богомольцев вне монастыря построена деревянная гостиница, где предлагаемо было им безмездно упокоение и пища; заведено стройное пение, продолжительное богослужение; для любителей безмолвия в глуши монастырского леса построены пустынные келлии; словом — Пешношская обитель в первые же годы правления Макария сделалась образцом для других пустынных обителей. Ее называли училищем благочестия, примером жизни монашеской. Настоятели различных монастырей за советом в затруднительных случаях обращались к Макарию, как к человеку особенно опытному в духовной жизни.

Сам преосвященный митрополит Платон часто представлял его в пример другим настоятелям. Друг Макария, Феофан, бывший в это время уже игуменом Кирилло-Новоезерского монастыря, известный также по своему благочестию, около 1793 г. прибыв на Пешношу, заимствовал от нее устав общежития и попросил у Макария, для помощи в устроении его, некоторых из братий. Имя Макария сделалось известным и славным и вне России. Он находился в духовном общении и вел переписку с архимандритом молдаво-влахийского Нямецкого монастыря, старцем Паисием Величковским и получил от него в дар посох.

В 1795 г. обитель посетил преосвященный митрополит Платон. Пробыв в ней несколько дней, он не оставил ничего без осмотрения, и был изумлен ее хорошим порядком и чиноположением, чистотою и хозяйственностью; он всходил даже на высокую колокольню для обозрения окрестностей и, сходя вниз, сказал следовавшему за ним архимандриту Ираклию: «Пешноша в моей епархии - вторая Лавра».

После сего посещения любовь и доверие архипастыря к Макарию увеличились. Преосвященный поручал его ведению многие обители, в которых он должен был заводить общежитие по образцу своей обители и назначать в них настоятелей из своей братии. Ему были отданы в полное распоряжение монастыри: Сретенский (в Москве), Голутвннский (в Коломне), Борисоглебский (в Дмитрове), пустыни: Козельская Оптина, Давидова, Берлюковская и Екатерининская. Макарий усердно заботился о благоустройстве их, трудился, сколько было сил, и везде оставил по себе славную память; монастыри и по внешности были исправлены, и получили лучшее внутреннее устройство. Пешноша действительно сделалась училищем благочестия, рассадником жизни монашеской. Из учеников Макария 24 человека были настоятелями разных обителей. Преосвященный весьма доволен был Макарием и на докладах его писал: «Мы все утвержденное утверждаем».

Назначая в тот или другой монастырь кого-либо из братии Пешношского монастыря, владыка писал: «Назначается с тем, чтобы завел общежитие по примеру Пешношского монастыря». Не всегда с охотою Пешношские расставались с излюбленною ими пустыней; привыкшие к уединению, они и на новых местах своего жительства искали уединения. Так иеромонах Самуил, переведенный с Пешноши в 1800 году с несколькими монахами в Коломну, в упраздненный архиерейский дом, просил митрополита Платона, чтобы их переведи за город, в монастырь Старо-Голутвин. Владыка исполнил их просьбу. По этому поводу писал он к петербургскому митрополиту Амвросию: «Дружина пешношская не соглашается в доме жить: ибо они требуют уединенного места, да чтоб и архимандрита не было: я их уже поселил в Голутвине; им он понравился».

Чтобы судить об отеческой заботливости Макария о монастырях, вверенных его попечению, приведем здесь рассказ о выборе и назначении в настоятели Козельской Оптиной пустыни ученика Макариева, о. Авраамия. Авраамий, состоя в братстве Пешношского монастыря, пред назначением своим в настоятели был огородник, и спокойно, в простоте сердца, занимался своим послушанием, не ища и не желая ничего иного. Когда нужно было назначить настоятеля в Оптину пустынь, преосвященный Платон стал просить Макария дать для устройства сей обители совершенно способного и вполне благонадежного человека. Старец с обычною своею простотою отвечал: «Да у меня нет таких, владыка святый, — а вот разве дать тебе огородника Авраамия?» Преосвященный, не спрашивая ничего более, приказал представить себе Авраамия. О. Макарий взял с собою в Москву Авраамия и, по приезде, представил его митрополиту. Взглянув па смиренного инока, архипастырь приказал ему готовиться к посвящению, — и на первом служении посвятил его в иеродиакона, а потом вскоре в иеромонаха; тогда только узнал о. Авраамий о своем назначении. Напрасно просил он своего старца о. Макария освободить его от такого тяжкого бремени, тщетно указывал на свои немощи, — Макарий оставался непреклонным. Напутствуемый его благословением, Авраамий отправился. Прибыв в Оптину пустынь, он нашел в ней крайнее запустение. «Не было полотенца рук обтирать служащему, — рассказывал впоследствии сам о. Авраамий, — а

помочь горю и скудости было нечем; я плакал да молился, молился да плакал.

Проживши в обители два месяца, не видя ни откуда помощи к исправлению плачевного ее состояния, и скучая, притом, по своей духовной родине и прежней мирной, беспечальной жизни, я отправился на Пешношу — открыть старцу свою душу и молить снять с меня бремя не по силам. Но вышло иначе: старец принял меня с отеческою любовью и, выслушав мои сетования о скудости вверенной мне обители, велел заложить свою повозку и, взяв меня с собою, поехал по знакомым ему помещикам, и они в короткое время, по его слову, снабдили меня всем необходимым, так что я привез в монастырь воза два разных вещей. Возвратясь со сбору, старец пригласил меня отслужить с собою, а после служения и общей трапезы, совершенно неожиданно для всех, обратился к своему братству с такими словами: «Отцы и братия! Если кто из вас пожелает ехать с о. Авраамием для устроения вверенной ему обители, я не только не препятствую, но и с любовию благословляю на сие благое дело». Несколько человек из братии, действительно, последовали за Авраамием. С таким же усердием, с такою же любовию он заботился и о других монастырях, и о других учениках.

Кроме монастырей, в его ведении находились и ближайшие приходские церкви в селах: Ведерницах, Рогачеве и Медведевой пустыни. Здесь все церковные постройки и перестройки производились по его совету и под его распоряжением; в Медведевой пустыни ему поручено было завести женскую общину (богадельню), а в Ведерницах предписано было и сумму выдавать ему же. Конечно, надзор этот стоил ревностному Макарию больших трудов, а иногда, быть может, и неприятностей.

Внимательный архипастырь высоко ценил труды Макария. 1800 г., августа 24 дня, им дано такое определение: «для почести Пешношския обители и в вознаграждение за устроение оныя обители и за введение доброго порядка, строителю той обители, иеромонаху Макарию, благословляем носить в служении набедренник и ходить с посохом преподобного Мефодия Пешношского, не в пример будущим по нем строителям».

Любовь и доверие архипастыря усугубили ревность Макария о благоустройстве обители. Сердце его давно скорбело о том, что он должен был отказывать в монашестве многим желающим и достойным того, потому что по штату определено было иметь на Пешноше не более шести монашествующих. В 1801 г. он испросил высочайшее дозволение умножить число их до 30 человек. С сего времени чиноположение св. горы Афонской, принесенное некогда в Введенскую пустынь старцем Клеопою, введено было на Пешноше в полном составе: положено совершать по две литургии, заведены

синодики, неусыпное чтение псалтири, вечернее правило с умными молитвами и поклонами и друг.

С принятием устава св. горы Афонской, Пешноша увидела над собою особое покровительство Пресв. Богородицы. Афонская гора — жребий Царицы Небесной. Она благоволила себя самое наименовать Игумениею и Назирательницею монастырей святогорских, — сего покровительства не лишена и русская обитель, принявшая чиноположение афонское. В самом начале правления Макария была прислана в обитель от Игнатия, архимандрита тихвинского, на память его строительства на Пешноше, копия с чудотворной иконы Богоматери Тихвинской; икона принята с радостью, богато украшена и доныне чествуется с особенным благоговением. Тогда же прославилась чудотворениями икона Богоматери Казанская, ныне украшенная жемчужною ризою. Некто генерал Тимофеев был в помешательстве; жена привезла его на Пешношу, и здесь, после усердной молитвы пред Казанскою иконою Богоматери, недужный получил исцеление. Свидетелями сего чуда была почти вся братия. С того времени положено было на 8-е июля совершать бдение и не работать; но в одно лето, по неблагоприятности погоды, в день Казанския Богоматери, после обеда, послана была братия на уборку сена. День был ясный, сено собрано в копны, но вдруг нашла туча, поднялся сильный ветер, все сено разнесло, и «ни во что обратились труды старческие», — говорит о. Иероним, описавший это событие; с тех пор и доселе общих работ в сей день не бывает.

Тогда же сделалась известною, а ныне особенно чествуется на Пешноше икона Пресвятыя Богородицы «Прежде рождества Дева и по рождестве Дева». Икона сия была келейною бывшего здесь в чине послушника москов. купца Мокеева, и, после смерти его, в 1792 г., должна была остаться в обители; но, так как она была живописная, Макарий не благоволил оставить ее в обители, а приказал отнести и поставить в часовни препод. Мефодия над входною дверью, снаружи. Здесь она оставалась довольно долгое время без особенного чествования; но Царице Небесной угодно было прославить икону, которую не захотели оставить в обители. Некто капитан Платон Шабашев квартировал со своим полком в селе Рогачеве. Однажды в глубокой скорби он долго и усердно молился Пресв. Деве Богородице, после молитвы уснул и видит во сне часовню Мефодиеву, над нею в облаках сияющую икону Богоматери и слышит глас: «Если хочешь избавиться от искушений, помолись пред сею иконою и сделай на нее серебряную ризу». Шабашев пешком пришел в обитель, отыскал икону, отслужил пред нею молебен и все исполнил, как повелено ему в видении. С того времени и доселе обильно изливаются от нее чудотворения. В обители ведется их запись. Но обратимся к деятельности о. Макария.

С умножением братии, с увеличением числа богомольцев соборный храм свят. Николая

оказался слишком тесным. Макарий пожелал распространить его, нашлись и благотворители, которые помогли ему в этом святом деле (о постройках и перестройках менее важных говорить не будем). Храм распространен был с западной стороны на 8 арш., внутри и снаружи обделан в новом виде и вкусе, и обнесен новою папертью. По возобновлении его, августа 6-го дня 1806 г., Макарий, за отличные услуги обители, возведен в сан архимандрита дмитровского Борисоглебского монастыря с тем, чтобы оставался по-прежнему настоятелем Пешношского.

Сделавшись архимандритом, Макарий не изменил своей прежней строго-подвижнической жизни, и даже смирил себя еще более, хотя не раз повторял со вздохом: «Был Макарий, а теперь уже стал не Макарий». Ни в пище, ни в одежде он ничем не отличал себя от прочей братии, в свободное время ходил вместе с ними даже на послушания; воздержание его простерлось до высшей степени. Однажды, во время братского ужина, он послал своего келейника принести из поварни полстакана молока; тот принес ему полный стакан; Макарий огорчился и сказал: «Ты ввел в искушение и себя и меня, да и всю братию: вот, скажут, как Макарий-то начал жить архимандритом, по целому стакану молока берет лакомиться». Так хранил он братскую совесть! Скажем здесь нисколько слов вообще о его характере.

Макарий был муж высокой добродетели. Лицо его казалось суровым, но сердце было преисполнено христианскою любовью. Он жил не для себя, а для блага обители и для блага братии. Все находили в нем мудрого наставника, приветливого собеседника; мудрость наставлений его привлекала к нему не одних монашествующих, но и мирян, и даже людей, высокопоставленных в свете. Однажды приехала из Москвы в обитель почетная госпожа, с высоким светским образованием, но с сердцем холодным к религии. Расположившись в гостинице, она просила к себе о. Макария для беседы. Макарий знал ее положение в свете, ее образование, ее холодность к религии, и хотел уклониться от приглашения, но должен был уступить ее настоятельной просьбе. Глубокое смирение старца поразило надменную, а мудрая беседа до того умилила и согрела ее сердце, что она и в обители оказывала ему все знаки уважения, и по приезде в Москву всем рассказывала о его высокой мудрости, и собственно для сего являлась к преосвященному митрополиту Платону.

Несмотря на обширный круг хозяйственных занятий, Макарий не опускал ни одного богослужения, и везде являл себя примером благочестия и добродетели. Любя уединенную и безмолвную жизнь, он, когда было досужно, удалялся в глубину лесов и там в трудах подвижнических проводил по нескольку недель. Строгий к себе, он строго следил и за нравственностью своих подчиненных. Богослужение при нем было всегда продолжительное, чтение неспешное, пение благоговейное, стояние чинное, выходить из храма до окончания богослужения и сидеть при богослужении дозволялось только

немощным и старым: «хоть худ воин, да воюет», - отзывался о таких о. Макарий. В келлиях нельзя было иметь ни картин, ни самоваров, ни других лишних вещей; не дозволялось даже зажигать свечей пред иконами: «будь сам свечей»,— говорил он, братии; книги для чтения в келлиях он давал сам и особенно любил духовный Алфавит. В баню могли ходить только старые и больные, а молодым и здоровым не дозволено было не только мыться, но даже и видеть себя обнаженными. Младшие из братии всегда были отдаваемы под надзор старших, в двух смежных келлиях всегда жили в одной—старший, а в другой— младший. Младший, выходя из своей келлии, должен был сотворить молитву и испросить благословения у старшего, куда бы ни шел — в церковь ли, в трапезу или на какое послушание, даже хотя бы за водою или за дровами для своей печи.

Провинившиеся в чем-либо были наказываемы, смотря но вине, или поклонами в трапезе, или получали послушания, или переводились из келлии в келлию; после наказания виновные получали от него наставление и утешение. Вообще, для подчиненных он был и наставником и, вместе, отцом, другом и братом. Собственности у него не было. Получал ли он что-нибудь от благотворителей — разделял с братиею. Нужны ли были кому-либо деньги, чтобы получить увольнение от общества для поступления в обитель, или для других потреб — он давал, приговаривая: «Мне душа дороже денег. Я верую Богу моему, что денег у меня всегда будет довольно». В большие праздники созывал всю братию в архиерейские покои и угощал чаем (всегда давал по два куска сахару и по две чашки). В летнее время, в свободный час, выходил из келлии, садился на скамье под окном с каким-либо поделием в руках (обыкновенно — вязал чулки) и, если к нему подходил кто-либо из братии, начиналась духовная беседа; если оставался один, творил умно Иисусову молитву. Зато и братия любила его. Когда отправлялся он в Москву или в монастыри, порученные его надзору, все провожали его до часовни Мефодиевой (в одной версте от обители); здесь, после пения тропаря препод. Мефодию, принимали благословение и расставались. И встречали его, как дети отца: «Батюшка едет! Батюшка приехал!» — с радостью говорили друг другу по приезде Макария, и все спешили к нему навстречу, высаживали из повозочки (он всегда езжал в простой телеге или в санях с кибиткою), целовали руки и провожали до келлии, а он непременно, бывало, утешит их каким-либо гостинцем. Такою мирною жизнью наслаждалась обитель под управлением Макария.

Но и враг спасения не дремал; он воздвигал иногда среди братий бурю искушений и доводил их до падений. Сердобольному Макарию тяжело было слышать об искушениях, смотреть на падения, но молитва, терпение и любовь все побеждали. Так одних из братий во время служения во гневе схватил его за архимандричий крест и давил, другой, сам виновный, вздумал оклеветать его пред правительством в разных преступлениях; но правительство даже не обратило внимания на его донос, - так оно уважало Макария, — и оба сии мятежники законно наказаны.

Среди подвигов, трудов и забот прошла вся жизнь Макария. Чувствуя ослабление сил, он желал как можно чаще вспоминать о часе смертном, и потому приказал монаху Феофану сделать из толстой сосны гроб, строго запретив говорить об этом кому-либо из братии до его преставления. Приготовляя гроб, он предчувствовал близость своей кончины; преставление его, действительно, было не далеко. Однажды осматривал он сено над конюшнями вверху, оступился, упал в ясли и так сильно разбился, что едва живого принесли его оттуда в келлию. С сего времени он ослабел совершенно, и, видя, что уже не встать ему с одра болезни, предложил братии выбрать себе нового настоятеля; но никто не хотел и слышать об этом. Макарий с любовью благословила их, просил помолиться о нем и потом вдруг заговорил о гневе Божием, грядущем на Россию, - просил, приказывал молиться усердно, молиться со слезами об отвращении гнева Божия, о спасении отечества. Это было почти за два года до нашествия французов в 1812-м году. Тогда же, по просьбе братии, дозволил снять с себя портрет, на что прежде никак не соглашался.

1811-го г., февраля 12 д., в неделю сыропустную, на прощальном правиле Макарий начал творить отпуст, но вдруг вскричал и начал падать; стоявшие близко поддержали его и отнесли в келлию на руках. «Так, видно, Богу угодно», -сказал о. Макарий и стал готовиться к своему исходу. 23-го марта он пострижен в великую схиму, без переименования имени, и более не выходил из своей келлии; богослужение для него совершалось в церкви Преображенской, смежной с его келлиею, из которой он мог слышать чтение и пение. Так прошло еще около двух месяцев. Когда не осталось никакой надежды на выздоровление, братиею было донесено преосвященному митрополиту Платону о болезни Макария, вместе с прошением благословить их на избрание нового настоятеля. «Пока не услышу о смерти Макария, у вас не будет другого начальника», — был ответ преосвященного. Но жизнь Макария видимо угасала. В предсмертные дни были совершены над ним напутственные церковные таинства; пред самою кончиною окружающие его одр спросили о преемнике, — он указал на Дорофея, строителя Екатерининской пустыни, и, прибавив: «Кого Бог изберет», — умолк навсегда. Он скончался 31 мая 1811 г., на 61 году от рождения.

Горячая любовь к почившему выразилась особенно при его гробе; все плакали как дети; бездыханное тело положено в том самом гробе, который был приготовлен им заживо; 3-го июня совершено погребение его в настоятельской усыпальнице, под колокольнею, близ гробницы основателя обители преподоб. Мефодия. Стечение народа при погребении было многочисленное. Здесь были и ученики его, прибывшие из других обителей, и крестьяне, облагодетельствованные им, и дворяне, чтившие его за высокие добродетели. Братия говорили, что после Макария у них не будет другого Макария. Это же сказал и преосвящ. Платон, получив донесение о смерти Макария.

Благодарная обитель никогда не забудет его благодеяний, — и теперь, по прошествии более полувека, имя его вспоминается с особым благоговением. Дух его правления жив на Пешноше и доныне. Один из его учеников, архимандрит Мефодий, его келейник, долго управлял обителью. — До века пребудет память его, и слава его не потребится, тело его в мире погребено, а имя будет жить в роды. (Сир. 44. 12. 13).

Напечатано в "Душеполезном чтении", 1866 г.